

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
И Н С Т И Т У Т В О С Т О К О В Е Д Е Н И Я

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ
СБОРНИК
1972

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1973

Редакционная коллегия

А. Н. Кононов (ответственный редактор),
С. Г. Кляшторный, Ю. А. Петросян, С. С. Цельникер

Г $\frac{0162-2086}{042(02)-73}$ 171-73

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ СБОРНИК. 1972

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР*

Редактор *Л. С. Ефимова*. Младший редактор *Р. Г. Канторович*. Художественный редактор *И. Р. Бескин*. Технический редактор *Л. Ш. Бергславская*.
Корректоры *К. Н. Драгунова* и *М. З. Шафранская*

Сдано в набор 26/XII 1972 г. Подписано к печати 12/VI 1973 г. А-06801. Формат 60 × 90^{1/16}. Бум. № 1. Печ. л. 25,75 + 0,375 п. л. вкл. Уч.-изд. л. 27,1. Тираж 1800 экз. Изд. № 2955. Зак. № 1390. Цена 2 р. 82 к.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2
3-я типография издательства «Наука». Москва, К-45, Б. Кисельный пер., 4

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1973.

*Памяти
Платона Михайловича
Мелиоранского
посвящается*

«П. М. Мелиоранский умер молодым, можно сказать, только еще начав свою научную карьеру, но и то, что он успел сделать, дает ему несомненное право на видное место в истории туркологии».

А. Н. Самойлович

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии	6
А. Н. Кононов (Ленинград). П. М. Мелиоранский и отечественная тюркология	7

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Э. Р. Тенишев (Москва). П. М. Мелиоранский — языковед	18
А. М. Щербак (Ленинград). П. М. Мелиоранский и изучение памятников тюркской письменности	24
А. И. Попов (Ленинград). П. М. Мелиоранский и изучение тюркизмов в русском языке	35
Г. Ф. Благова (Москва). П. М. Мелиоранский и изучение тюркской топонимии	51
Д. М. Насилов (Ленинград). О лингвистическом изучении памятников тюркской письменности	62
В. Г. Гузев (Ленинград). Краткий обзор исследований по языку тюрков Малой Азии XIII—XVI вв.	69
Г. Ф. Благова (Москва). Вариантные заимствования <i>тюрк</i> ~ <i>тюрк</i> и их лексическое обособление в русском языке (К становлению обобщающего имени тюркоязычных народов)	93

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ФОЛЬКЛОРИСТИКА

В. М. Жирмунский (Ленинград). П. М. Мелиоранский и изучение эпоса «Едигей»	141
А. Н. Самойлович (Ленинград). Вариант сказания о Едигее и Тохтамыше, записанный Н. Хакимовым	186
<i>Приложение к статье А. Н. Самойловича</i>	
Ф. Т. Валеев (Казань). С. М. Зайнитдинов	212
Л. В. Дмитриева (Ленинград). Рукопись работы П. А. Фалева об эпосе «Едигей» в Архиве востоковедов Института востоковедения АН СССР	213
И. В. Стеблева (Москва). О стабильности некоторых ритмических структур в тюркоязычной поэзии	2
Н. С. Смирнова (Алма-Ата). Казахские пословицы, записанные и опубликованные П. М. Мелиоранским	231
Л. Ю. Тугушева (Ленинград). Поэтические памятники древних уйгуров	235

ЭТНОГРАФИЯ, ИСТОРИЯ

<i>С. Г. Кляшторный</i> (Ленинград). Древнетюркская письменность и культура народов Центральной Азии (по материалам полевых исследований в Монголии, 1968—1969 гг.)	254
<i>Л. П. Потапов</i> (Ленинград). Умай — божество древних тюрков в свете этнографических данных	265
<i>С. М. Абрамзон</i> (Ленинград). Формы семьи у дотюркских и тюркских племен Южной Сибири, Семиречья и Тянь-Шаня в древности и средневековье	287
<i>Ф. Х. Арсланова</i> (Усть-Каменогорск), <i>С. Г. Кляшторный</i> (Ленинград). Руническая надпись на зеркале из Верхнего Прииртышья	305
<i>А. Д. Грач</i> (Ленинград). Вопросы датировки и семантики древнетюркских тамгообразных изображений горного козла	
<i>С. Г. Кляшторный</i> (Ленинград). Монета с рунической надписью из Монголии	334
<i>Д. Г. Савинов</i> (Ленинград). Этнокультурные связи населения Саяно-Алтая в древнетюркское время	339
<i>Ю. И. Трифонов</i> (Ленинград). Об этнической принадлежности погребений с конем древнетюркского времени (в связи с вопросом о структуре погребального обряда тюрков-тугю)	351
<i>Р. А. Гусейнов</i> (Баку). Тюркские этнические группы XI—XII вв. в Закавказье	375
<i>А. Д. Новичев</i> (Ленинград). Гюльханейский хатт-и шериф 1839 г. и его внешнеполитический аспект	382
Список трудов П. М. Мелиоранского и литературы о нем	395
Список сокращений	401

ХРОНИКА

<i>В. Г. Гузев, Н. А. Дулина, Л. Ю. Тугушева</i> (Ленинград). Третья тюркологическая конференция	403
--	-----

Д. М. Насилов

О ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ИЗУЧЕНИИ ПАМЯТНИКОВ ТЮРКСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

Оценивая более семидесяти лет тому назад состояние тюркологической науки, П. М. Мелиоранский писал, что «древнейшие произведения турецкой письменности по большей части даже еще не изданы, не говоря уже об отсутствии к ним специальных глоссариев, конкорданций и т. п.»¹. В то же время он указывал: «Отдавая... полную справедливость важности изучения современных живых наречий турецкого языка, мы тем не менее должны признать, что *главным* (выделено самим П. М. Мелиоранским.— Д. Н.) материалом для исследования истории языка все-таки являются различные писанные источники — рукописи, надписи, монетные легенды и пр.»². В детальном изучении письменных памятников языка П. М. Мелиоранский видел одну из предпосылок создания сравнительно-исторической грамматики тюркских языков.

С тех пор тюркология достигла значительных успехов в направлении лингвистического изучения письменных памятников. Изданы и в известной степени исследованы памятники орхоно-енисейской письменности и древнеуйгурского языка, письменные памятники отдельных тюркских языков, относящиеся к XIII—XIX вв., некоторые тюркские памятники в иноязычной транскрипции; сделаны первые шаги в области изучения в историческом аспекте тюркских заимствований в соседних языках и, наоборот, из последних в тюркские языки³.

¹ П. М. Мелиоранский, Памятник в честь Кюль-Тегина,—ЗВОРАО, 1900, т. XII, стр. 143.

² П. М. Мелиоранский, Араб филолог о турецком языке, СПб., 1900, стр. II.

³ См., например, библиографию: Н. А. Баскаков, Введение в изучение тюркских языков, М., 1969; А. Н. Кононов, Тюркская филология в СССР. 1917—1967, М., 1968; Э. В. Севортян, Современное состояние и некоторые вопросы исторического изучения тюркских языков в СССР,—сб. «Вопросы методов изучения истории тюркских языков», Ашхабад, 1961; Э. Р. Тенишев и другие, Тюркские языки,—сб. «Советское языкознание за 50 лет», М., 1967; PhTF, I, II; K. H. Menges, The Turkic Languages and Peoples. An Introduction to Turkic Studies, Wiesbaden, 1968.

Ценным и важным в исследовании тюркских памятников представляется историко-сопоставительный анализ их данных и данных отдельных современных тюркских языков и особенно диалектов (в плане исторической диалектологии), осуществляемый в работах некоторых советских тюркологов⁴.

И хотя до сегодняшнего дня в значительной мере справедливыми остаются слова П. М. Мелиоранского о том счастье времени, когда будет введено в оборот еще большее количество памятников «с соблюдением настоящих научных приемов» издания, все же современная тюркология обладает огромным объемом языковых фактов, относящихся к разным историческим этапам развития тюркских языков.

В связи с ростом числа публикаций письменных памятников перед тюркологами-лингвистами все острее встают вопросы методики изучения языка этих памятников. Таким проблемам уделялось значительное внимание на специальном совещании, посвященном методам изучения истории тюркских языков (Ашхабад, 1959)⁵, а также на симпозиуме по сравнительно-исторической грамматике тюркских языков (Москва, 1967)⁶, часто они ставятся и в тюркологических работах⁷.

В последние годы для тюркологии, как, впрочем, и для некоторых других областей языкознания, все более актуальной становится ликвидация «диспропорции между огромным числом работ, посвященных изучению отдельных явлений язы-

⁴ См., например: Н. К. Дмитриев, *Материалы по османской диалектологии. Фонетика «карамалицкого» языка*,—ЗКВ, 1928, т. III, вып. 2; 1930, т. IV; С. Ахаллы, *Махмуд Кашгарының сөзлүгі ве түркмен дили*, Ашгабат, 1958; Г. Ф. Благова, *Значение данных современной узбекской диалектологии для изучения староузбекского письменного языка*,—ВЯ, 1965, 1; Г. Ф. Благова, Х. Д. Данияров, *Говоры «тюрков» Узбекистана в их отношениях к языку староузбекской литературы*,—ВЯ, 1966, 6; З. Б. Мухамедова, *Исследования по истории туркменского языка XI—XIV вв. по данным арабоязычных филологических сочинений*. Автореф. докт. дисс., М., 1969; Ш. Шукуров, *К вопросу исторической диалектологии узбекского языка*,—«Тезисы докладов VI регионального совещания по диалектологии тюркских языков», Ташкент, 1969, и др.

⁵ См.: сб. «Вопросы методов изучения истории тюркских языков».

⁶ См.: «Симпозиум по сравнительно-исторической грамматике тюркских языков (13—15 июня 1967 г.)». Тезисы сообщений», М., 1967.

⁷ См., например: Н. А. Баскаков, *Основные задачи историко-типологического изучения грамматики тюркских языков*,—«Тюркологический сборник. 1970», М., 1970; его же, *К проблеме историко-типологического изучения грамматики тюркских языков*,—ВЯ, 1969, 4; Е. И. Убрятова, *Задачи сравнительного изучения тюркских языков*,—«Тюркологический сборник. 1970»; Н. З. Гаджиева, *О методах сравнительно-исторического анализа синтаксиса (на материале тюркских языков)*,—ВЯ, 1968, 3; Э. Н. Наджип, *О средневековых литературных традициях и смешанных письменных тюркских языках*,—СТ, 1970, 1; А. Зайончковский, *К изучению средневековых памятников тюркской письменности (XI—XVI вв.)*,—ВЯ, 1967, 6.

ка, в которых, хотя и интуитивно, намечается связь рассматриваемого явления с другими, и работ, осмысливающих собранный материал»⁸.

Применительно к тюркским языкам и письменным памятникам Э. В. Севортьян в своем докладе на совещании, а несколько позже и в докладе на XXV Международном конгрессе востоковедов специально обращал внимание на важность изучения языковых данных в их взаимосвязи и взаимоотношениях. «Без учета фактов изучать историю языка, разумеется, невозможно, однако учет составляет лишь предварительное условие исторического исследования, но не само исследование, так как последнее имеет дело не с изолированными фактами исторического инвентаря языка, а с их связями и внутренними отношениями на протяжении определенного отрезка времени»⁹.

Аналогичные мысли высказываются и другими тюркологами. Так, М. Ш. Рагимов отмечает, что «историческая грамматика конкретного тюркского языка не должна быть сборником описаний языковых особенностей отдельных письменных памятников, так же как она не может ограничиваться лишь фиксированием или односторонним описанием отдельных явлений, встречающихся в памятниках этого языка»¹⁰.

Таким образом, необходимость изучения грамматических явлений тюркских языков, в том числе и языка памятников письменности, с учетом их системных связей все более осознается тюркологами. Неутомимым пропагандистом системного подхода при исследовании языков является Г. П. Мельников, опубликованные работы которого дают четкое представление о целесообразности указанного подхода и к тюркскому материалу¹¹.

⁸ Г. С. Шур, О некоторых общих категориях лингвистики,— сб. «Вопросы общего языкознания», М., 1964, стр. 31. Ср.: «Ближайшие задачи исследования многочисленных еще недостаточно изученных вопросов истории древнетюркских языков заключаются, по-видимому, в освоении непосредственного языкового материала» (А. К. Боровков, Лексика среднеазиатского тевфисра XII—XIII вв., М., 1963, стр. 3).

⁹ Э. В. Севортьян, Современное состояние и некоторые вопросы исторического изучения тюркских языков, стр. 18; ср.: «Труды XXV Международного конгресса востоковедов», т. III, М., 1963, стр. 360.

¹⁰ М. Ш. Рагимов, О принципах разработки сравнительно-исторической грамматики тюркских языков.— «Симпозиум... Тезисы сообщений», стр. 8—9.

¹¹ См.: Г. П. Мельников, Причины нарушений симметрии в системе киргизских гласных,— СТ, 1970, 1 (там же библиография его работ).

Здесь мы не касаемся вопросов различного подхода к пониманию системности в языке, соотношения понятий «структура» и «система», а также проблемы описания языковых фактов уже в рамках системного исследования и т. п.

Удачную попытку системного описания отдельных категорий имени и глагола на материале одного из крупных старозубекских письменных памятников «Шаджара-и тюрк» недавно предпринял С. Н. Иванов¹². Он стремится изучить в памятнике данные категории «в синхронном аспекте, причем главное внимание уделяется внутренней связи фактов, относящихся к функционированию грамматических категорий имени и глагола...»¹³, поскольку, по справедливому замечанию автора, в их словоизменительных формах слабоизученными остаются «значения отдельных форм в их связях внутри каждой формы и связи значений в рамках каждой грамматической категории»¹⁴.

Важность указанного системного подхода к изучению грамматических категорий в языке письменных тюркских памятников можно показать на описании категории времени глагола, в частности настоящего-будущего. Как известно, в трех временных плоскостях выделяются различные формы настоящего, будущего и прошедшего времени глагола. Тюркские языки имеют по несколько форм в каждой из плоскостей. Наличие такого многообразия форм заставляет предполагать, что функционирование их в языке определяется целым рядом факторов, в том числе временными, модальными, видовыми. Таким образом, то обстоятельство, что в тюркских языках форма времени наряду с чисто временным значением может нести в себе и некоторые другие — модальные или видовые, вызывает сложность в определении ведущих значений формы и в разграничении второстепенных и побочных. Этим, собственно, и объясняется тот разнородный, который представлен в грамматиках тюркских языков при описании форм времени. Но еще сложнее определить ведущее значение в сложных глагольных формах, ибо каждый из входящих в них компонентов часто сам полисемантичен, не говоря уже о тех семантических взаимоотношениях, которые возникают при их сложении. Трудности усугубляются еще и тем, что в тюркологии пока не выработаны ясные критерии для разграничения спрягаемой и сказуемой формы. Иногда бывает трудно определить, выступает ли в данном предложении отглагольная форма как именное сказуемое со служебной формой (*resp.* морфемой), несущей лишь модальное значение (т. е. сочетается ли она фактически с модальным словом), или

¹² С. Н. Иванов, Родословное древо тюрков Абу-л-Гази-хана. Грамматический очерк. (Имя и глагол. Грамматические категории), Ташкент, 1969; рец. см.: А. А. Юлдашев, — ВЯ, 1970, 4; В. Г. Гузев, Д. М. Насилов, — НАА, 1971, 3.

¹³ С. Н. Иванов, Родословное древо тюрков, стр. 6.

¹⁴ Там же.

эта форма является сложной формой времени, только отягощенной модальным оттенком.

В значительной мере морфологические показатели глагольных форм в тюркских языках совпадают. Однако, признавая близость тюркских языков друг к другу и многие аналогии в семантике и функционировании отдельных глагольных форм, никогда нельзя забывать, что каждый тюркский язык представляет собой конкретную языковую систему со свойствами только ей одной отношениями и специфической, оригинальной структурой.

Сказанное правомерно не только для описания современных тюркских языков, но и для описания языка **каждого** из письменных памятников. Постановка вопроса о системном характере личных форм глагола в тюркских памятниках письма представляется весьма полезной для выяснения взаимоотношений между временными формами и установления тех ведущих значений, которые лежат в основе этих грамматических корреляций. Очевидно также, что изменения и сдвиги среди временных форм с наибольшей полнотой и четкостью можно выявить лишь при рассмотрении этих форм в их неразрывной связи, т. е. внутри определенной системы, отмечаемой на известном историческом этапе, ибо системное описание фактов языка важно и для диахронического изучения его.

Сопоставляя такие описания, выполненные на материалах памятников разных периодов, с данными настоящего состояния языка, можно получить ценные сведения об эволюции отдельных грамматических категорий в течение длительного времени, причем будут отражены также и те изменения, которые вызвало или которым было вызвано это развитие отдельной категории, конкретной грамматической формы. Острая необходимость в подобных работах постоянно дает себя знать в тюркологии, где любое историческое исследование сталкивается либо с отсутствием достаточного количества языковых исторических фактов, введенных в науку, либо с трудностями интерпретации в силу их разобщенности, отрывочности по отдельным историческим периодам и памятникам, а также из-за неясности связей этих фактов между собой в каждый данный период, о чем говорилось выше. Необходимо изучение фактов на основании строгих сравнительно-исторических и других методов современного языкознания, позволяющих сводить языковые данные в четко очерченные системы.

Как ни полезны исследования, прослеживающие только отдельные грамматические категории в некий отрезок времени, они все же, видимо, не могут дать полной картины явле-

ний и сдвигов, происходивших в языке. В силу указанных обстоятельств использование результатов работ этого плана оказывается все-таки весьма ограниченным. Так, например, основываясь на данных древнеуйгурских памятников, можно заключить, что форму времени на *-ур* в них следует определять как настоящее время, а не настоящее-будущее, ибо выражение его будущего времени являлось окказиональным, контекстуально обусловленным, вариантным. В этих памятниках форма на *-ур* была, собственно, единственной формой настоящего времени; сочетание деепричастия на *-а + турур* выступало в них как конструкция, передающая длительный способ действия¹⁵. В исследовании, посвященном историческому развитию частных временных форм староузбекского языка¹⁶, устанавливается, что время на *-ур* является настоящим-будущим временем и что конструкция *-а + турур* с течением времени становится все продуктивнее в качестве одной из форм настоящего времени. Но поскольку последние две формы исследуются, к сожалению, вне их внутренних системных отношений, остаются в тени такие важные вопросы, как взаимное влияние форм, вопрос о том, происходило ли развитие формы *-а + турур* за счет сужения сферы значений времени на *-ур* как формы настоящего времени и расширения значений будущего времени, увязывались ли сдвиги в этих формах с перемещением формы на *-гај* в желательное наклонение, не этим ли вызывалось в свою очередь последующее употребление формы на *-ур* в качестве будущего неопределенного времени, а также некоторые другие существенные стороны отношений между формами времени на *-ур*, *-а + турур*, *-гај* и пр.

Вот почему бывает трудно использовать данные, полученные, скажем, преимущественно с точки зрения количественных изменений среди глагольных форм, отмечаемых в письменных памятниках того или иного тюркского языка по отдельным векам¹⁷, не имея возможности привлекать их для

¹⁵ См.: Д. М. Насилов, Структура времен индикатива в древнеуйгурском языке (по памятникам уйгурского письма). Автореф. канд. дисс., М., 1963.

¹⁶ См.: Ш. Шукуров, Настоящие и будущие времена глагола в письменных памятниках староузбекского языка. Автореф. канд. дисс., М., 1960; его же, История развития глагольных форм узбекского языка, Ташкент, 1966.

¹⁷ О соотношении древнеуйгурского и староузбекского языков см., например: С. Е. Малов, Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования, М.—Л., 1951, стр. 222; А. М. Щербак, Грамматика староузбекского языка, М.—Л., 1962, стр. 222—246; А. Т. Кайдаров, Развитие современного уйгурского литературного языка. I. Уйгурские диалекты и диалектная основа литературного языка, Алма-Ата, 1969, стр. 15—42.

выяснения сущности происходивших явлений. Подобные затруднения возникают при анализе не только временных форм. Конечно, нельзя отрицать плодотворность изучения движения определенной категории через века¹⁸, но при этом столь же важно и выяснение особенностей этого движения, выяснение внутренних его процессов. Приходится учитывать также и то, что каждая грамматическая форма, в том числе и форма времени глагола, отличается от другой формы не одним, а целым рядом признаков. Так, одна форма времени может отличаться от другой не только временным содержанием, но и видовым, и модальным характером, какими-то функциональными особенностями. Все это требует многосторонней характеристики каждой грамматической формы времени.

При выяснении отношений отдельных категорий между собой и сведении их в систему прежде всего встает вопрос о совершенствовании методики системных исследований в тюркологии. Очевидно, что она должна всякий раз соответствовать своеобразию исследуемого материала и быть продуктивной в раскрытии существующих связей в системе.

Таким образом, представляется, что в настоящее время при изучении письменных памятников тюркских языков целесообразно обратить внимание на системное изучение грамматических категорий, зафиксированных в этих памятниках. Язык каждого памятника можно рассматривать как определенный синхронный срез. Сравнение таких синхронных срезов при учете динамики развития грамматического строя тюркских языков позволит выявить сдвиги и изменения как отдельных грамматических форм и категорий, так и всей их системы¹⁹.

¹⁸ Э. В. Севортян, Современное состояние и некоторые вопросы исторического изучения тюркских языков, стр. 26.

¹⁹ Ср.: С. Н. Иванов, Родословное древо тюрков, стр. 6.